
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е.Л. Яковлева

ПРОЯВЛЕНИЯ АБСУРДНОГО В БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА ГЛАМУРНОГО

Аннотация. Оптика исследования сосредотачивается на абсурде, ставшем ключевой характеристикой бытия человека гламурного. Современная идеология гламура, абсурдная по своей природе, создаёт гламурные пространства социального, являющиеся симулятивной средой обитания личности. Завладев сферами социального, гламур как вселенная абсурда подчинил себе жизнедеятельность человека. Онтологические проявления абсурдного повлияли на гносеологическую и аксиологическую константы бытия личности, скатившейся в Ничто ввиду утраты смысла и цели жизни. Выявлено, что абсурд зарождается в бытии и его зазорах между Нечто и Ничто, что задано диалектически. Причиной зарождения абсурда как Ничто является личность, сознательно ничтожащая Нечто. Гламурный формат абсурдного симулирует смыслы и действия, окутывая их глянцевым флёром, что приводит к сбоям в работе сознания и рутинной ситуации вечного теперь. Выходом из абсурда может стать включённость в бытие, связанная с рефлексивностью, интенциональностью, творческим подходом и нравственными проявлениями. Обозначенная проблематика рассматривается в форме нарративного дескрипта с использованием диалектического и феноменологического методов, принципа интенционального анализа, помогающих раскрыть специфику абсурда в бытии человека гламурного. Субъективное и объективное, личное и социальное абсурдного диалектически взаимосвязаны между собой, обуславливая друг друга. Парадоксальность ситуации заключается в том, что Ничто в виде абсурда получает статус реального, начиная жить собственной жизнью, вуалируя действительность. Положения и выводы исследования можно использовать при дальнейшем исследовании абсурда и его проявлений в бытии личности и социального.

Ключевые слова: абсурд, зло, Нечто, Ничто, гламурный человек, идеология гламура, Абсолюты, приключения, театрализация, двойничество.

Abstract. The research is focused on absurdity as the key characteristics of the existence of Homo Glamorous. Being absurd by nature, modern ideology of glamor creates glamorous spaces of the social which, in their turn, comprise the simulation environment of personality. Having conquered the social spheres, glamor overmastered human life-sustaining activity. Ontological representations of the absurd have influenced gnoseological and axiological constants of human existence that slid back into Nothing as a result of the lost meaning and purpose of life. It is defined that absurdity arises in the gaps between Something and Nothing and this is predetermined dialectically. The cause of absurdity as Nothing as personality deliberately destroying Something. Glamorous format of absurdity encourages meanings and actions wrapping them in the glamorous shade which causes failures of consciousness and eternal patterns. According to the author, it is possible to withdraw from absurdity through being involved in the existence and relating to reflexivity, intentionality, creative approach and moral displays. The aforesaid topics are discussed by the author as a narrative description implying dialectical and phenomenological methods and principles of intentional analysis allowing to reveal specific features of absurdity in the existence of Homo Glamorous. Subjective and objective, personal and social components of absurdity are dialectically interrelated and interdependent. This is a paradoxical situation because being a form of absurdity, Nothing earns the status of the real and starts to take on a life of its own drawing a veil over reality. Provisions and conclusions of the present research can be used in further researches of absurdity and representations of the absurd in personal and social existence.

Key words: adventure, Absolutes, glamor ideology, glamorous person, Nothing, Something, evil, absurd, staging, duplicity.

В XXI в. мы повсюду обнаруживаем абсурдное жизненное существование. Не последнюю роль в сложившейся ситуации играют изменения, происходящие в социальном. Космические скорости бытия не позволяют осмыслить проис-

ходящее. Кризисы, перейдя из временных в разряд перманентных, не вселяют уверенности в завтрашнем дне, рождая ощущение чуждости мира человеку. Гламурный принцип «живи одним днём и наслаждайся жизнью» разрушает веру в тради-

ции и ценности, не способствуя планированию будущего и ослабляя способность суждения. В речи царит словесный бред с дозой безумия и мрачного маразма, вуалируемые циническим разумом. На вопросы «О чём ты думаешь?» и «В чём смысл твоей жизни?» индивид либо отвечает «Ни о (в) чём», либо затрудняется дать ответ, потому что никогда не ставил перед собой подобные вопросы. Повсюду мы наблюдаем мифизированные превращения посредством технических средств/эстетико-пластической хирургии Нечто в Ничто как *Нечто-симулякр*, сопровождаемые карнавальными инверсиями, гибридизацией форм и образов, что привело к полной/частичной *неузнаваемости знакомого*.

Абсурдность современного бытия – реальный факт социального, проникающий в бытие каждого человека. Сегодня к абсурду можно отнести не только противоречия, но иррациональное и бессознательное, неподдающееся разумному объяснению, нелепые преувеличения и мифизации, бессмысленные высказывания и поступки. Абсурд обладает уникальной характеристикой: появившись, он начинает миросотворять/*мир-о-сотворять*, вследствие чего нелепое становится не только реальностью, но и приобретает естественный оттенок, подчиняя своей власти окружающее бытие. Более того, злой компонент мироздания в виде абсурда, желая оправдать себя, плодит зло, превращая его в обычное явление, претендующее на теоретичность. Согласимся с А. Камю, признавшем ещё в XX в., что абсурд жизни как отправная точка болезни духа способен «поразить в лицо любого человека на повороте любой улицы» [1, с. 120]. Сегодня в XXI в. мы можем показать, к чему привела ситуация абсурда, разросшаяся до масштабов вселенной, «где царят противоречия, антиномии, тоскливые страхи и немощь» [1, с. 134].

В современности абсурд приобретает флёр гламурного – красивого, блестящего, симулятивного и вульгарного. Гламур усыпляет бдительность рационального, пробуждая бессознательное/иррациональное/эмоциональное и при этом убаюкивая их, тем самым заставляя человека пребывать/*пре-бывать* в реальности, живя в полусне. Вместо знаний о реальности тиражируется мифизированная информация, загромождающая пространство своей скандальностью и пустотой, создающей видимость наполненности. Навязчиво тиражируемая манипуляция информацией приводит к колоссальной вере реципиентов в несуществующее, тем самым являя абсурдным. Подчеркнём, в большинстве своём люди отказываются понимать суть абсурдности происходящего/услышанного, потому что абсурд – постоянная среда пребывания/

пре-бывания человека, преподнесённая в красивой, гламурно-блестящей оболочке. Выделенное нами *бывание* личности – неслучайно: оно олицетворяет мерцание, появление и исчезновение из реальности, то есть даже не *присутствующее отсутствие*, символизирующее включённость в бытие, а – *отсутствующее присутствие*, указывающее на выключенность из бытия, что приводит нас в сферу определённого личностного дискомфорта. Если вспомнить А. Камю, то философ определял абсурд как разлад, возникающий из столкновения элементов сравнения. При этом «абсурд не коренится ни в человеке, ни в мире, а в их совместном присутствии» [1, с. 141]. В контексте нашего рассуждения разлад обнаруживается между миром реальным и миром гламурным, между социальным и личным, а также внутри субъективного, подвергающегося воздействиям идеологии гламура. Абсурд возникает в *трещинах/заворах* бытийного разлада, что спровоцировано определённой формой бытия как Нечто и его отрицанием – Ничто: например, культурой и бескультурьем, моралью и аморальностью, знанием и незнанием, традицией и новацией, естественным и искусственным. В итоге «всякая щель, через которую могло бы проскользнуть отрицание», оказывается «целиком заткнута» Ничто как «отрицанием в качестве бытия» [2, с. 94, 96]. Пропасть между ожиданиями и реальными возможностями заполняется абсурдным/бессмысленным, имеющим *вид благоглупости*, что вводит рефлексирующую личность в замешательство/ступор, а человек гламурный даже не замечает подмен. При этом тиражирование абсурдного приводит к тому, что и рефлексирующая личность начинает терять остроту восприятия и критическое отношение к бесконечно манипулируемому.

Перечисленное позволяет утверждать: личность живёт в абсурде, проявляет себя абсурдно, чувствуя и мысля абсурдно, что заставляет предпринять анализ абсурдного в бытии гламурного человека.

Первоначально обозначим авторское понимание абсурда, обладающего *онто-гносе-аксиологическим статусом*. Во-первых, это – метафизическая категория, связанная с выходом за пределы рационального. Подобное приводит к его второму, гносеологическому пониманию, связанному с отсутствием логики и/или бессмыслице, что влечёт за собой, в-третьих, проявление абсурдности в поступках. В-четвёртых, совокупное соединение перечисленного трансформирует аксиологический аспект, связанный с ценностной шкалой бытия личности/социального: ключевые Абсолюты модифицируются путём отрицания, свидетель-

ствующем о трансгрессивном нарушении границ дозволенного. В-пятых, абсурд можно отнести к эстетическим категориям: он есть стиливой приём, проявляющий себя (намеренно/интуитивно/спонтанно) в творчестве и показывающий мир наоборот/Зазеркалье.

Все характеристики абсурда связаны с метафизикой человека, жизнь которого сегодня оказалась под колпаком идеологии гламура. Последняя, возводящая красоту, молодость и богатство в вечные константы на протяжении человеческой жизни, оказывается абсурдной. Исключая смертность, что само по себе является абсурдным ввиду финализации бытия личности и присутствия смерти на протяжении всей её жизни, идеология вмешивается в естественный ход времени и событий: молодость пытаются продлить, красоту сделать, богатство симулировать. Перечисленное носит искусственный характер, нарушая *код человеческой жизни*, что приводит к ситуации абсурдности.

Именно в эту абсурдность социального сегодня с рождения погружён человек. Как считал М. Хайдеггер, абсурдность связана с тем, что «человеческая реальность сразу возникает как «обложённая» бытием, она «находит себя» (*sich befinden*) в бытии, и одновременно человеческая реальность заставляет бытие, которое её осаждаёт, расположиться вокруг неё в форме мира» [2, с. 80]. Абсурд уничтожает ценностные основания бытия, тем самым размывая границы между добром и злом как крайними полюсами. Модус человеческой жизни скатывается от стремления к Абсолюту к низким проявлениям и *нулевой степени смысла* как норме, свидетельствуя об аномичности личностного, а в целом – социального. Подчеркнём, отношение к абсурдному в социальном различно. Единицы, рефлексирющие над ситуацией и способные обнаружить алогическую последовательность заданного, понимают бессмысленность происходящего, реагируя на него в форме бунта/апатии/смирения. Художественные натуры черпают из абсурда вдохновение для создания своих творений. Большинство людей, живущих под колпаком манипулятивных практик идеологии гламура, не воспринимают абсурдность социального, принимая его за норму и, к сожалению, образец для подражания. В итоге рождается негативная ситуация, в которой личность, избегая рефлексирования и тем самым внося раскол в своё Вот-бытие, оказывается по-другую-сторону-Нечто/по-ту-сторону-добра-и-зла – в (с) Ничто, изолирующем её от Нечто.

Ответственность за появление абсурдного лежит на человеке ввиду того, что он «есть единственное бытие, посредством которого может быть

совершенно разрушено» [2, с. 69]. Более того, разрушительные функции личности осознанны: как объективный факт «разрушение предполагает и понимание ничто как такового до всякого суждения и способ действия перед *лицом* ничто» [2, с. 69]. В одном направлении с Ж.-П. Сартром мыслит и А. Камю, подчеркнувший, что «червь гнездится в сердце человека. Там-то его и надо искать. Надо проследить и понять смертельную игру, ведущую от ясности относительно бытия к бегству за грань света» [1, с. 113]. Не последнюю роль в «бегстве за грань света» играет *il y a*, давая возможность понять абсурдность бытия человека гламурного. В концепции Э. Левинаса *il y a*, переводимое как *есть/имеется*, обозначает *акт-существования* без начала и конца.

Каждый человек привязан к акту-существования, разглядывая мир из своего *здесь* и *внутри*. «Освоенность человеком своего существования Левинас соотносит с прикованностью к своему я, к «заключению в цепи бытия» своего я, которое втягивает всё в полосу своего сознания. Осознав невозможность выхода из цепи бытия, человек испытывает страдание» [3, с. 558]. От загромождённости собой человек не может уклониться – его везде настигнет *il y a*, что приводит личность не только к ощущению, но и пониманию абсурдности своего жизненного удела. Спасением от злого и непрерывно выматывающего *il y a* является сон или смерть, что утрирует абсурдность, подводя личность к риторическому вопросу «Для чего вообще жить?».

В современности человек, пытаясь убежать от *il y a*, сосредотачивается на создании гламурного образа, не задумываясь о его симулятивности и эфемерности. Мир гламурного абсурда зарождается из жалких обстоятельств, связанных с желанием счастья, сопровождаемых ничего-не-деланьем и ничего-не-думаньем как «первым знаком абсурда»: «то особое состояние души, когда пустота красноречива, когда цепочка повседневных поступков вдруг порвалась и сердце тщетно ищет звено, способное снова соединить оборванные концы» [1, с. 122]. Подобное состояние возникает из ощущения чужеродности мира, с одной стороны, и чувства усталости от бытия и его рутинности, где ничего не происходит, с другой. При этом сама усталость может стать импульсом как к пробуждению сознания, так и к его сну и повороту к бессознательному. В современных условиях большинство людей отдаются во власть манипуляционных практик идеологии гламура, так и не пробуждаясь к активной жизни *в модусе быть*, подменяя его иллюзорным *модусом иметь*.

Современная хаотичность социального, рож-

дающая неизвестность и непредсказуемость, приводит личность к приключенческой ситуации. Но ввиду потери интенциональности само приключение/*при-ключе-ние* не раскрывается в личности как *ключ-от-бытия* и не делает её *при-ключе-от-бытия*, очередной раз изводя человека своей непонятностью и бесцельностью, вуалируемыми гламуром. Чтобы избавиться от этого состояния индивид начинает бесконечно рассказывать, нередко симулируя, истории о себе, тем самым теряя вкус (к) жизни. Как великолепно заметил Ж.-П. Сартр, «чтобы банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его *рассказать*. Это-то и морочит людей; каждый человек – всегда рассказчик историй, он живёт в окружении историй, своих и чужих, и всё, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней» [4, с. 69]. Из приведённой цитаты мы видим, абсурд заключается не в реальном проживании собственной жизни, а в её подгонке под историю жизни, которая может не иметь места в бытии. Более того, абсурдность утрирует следующее обстоятельство. Как замечает Ж.-П. Сартр, после проговаривания истории (неважно кому, возможно даже – самому себе) «чувство приключения исчезло», заставляя «снова начинать жить» [4, с. 70]. При этом жизнь без приключений отвергает человека в тоску, вызывая приступы тошноты от бесконечного однообразия: «пока живёшь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят – вот и всё. Никогда никакого начала. Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно... Это называется жить» [4, с. 70-71]. Круг абсурда, по Ж.-П. Сартру, замкнулся и выхода из него нет: либо жизнь, либо приключение в виде правдоподобного рассказывания, потому что «события развёртываются в одной последовательности, рассказываем же мы их в обратной» [4, с. 71]. Но всё перечисленное, обволакиваемое флером гламурной бесцельности и бессмысленности, приводит только к тому, что человеку становится «муторно от самого себя», где не только источником, но и самой тошнотой является он сам [4, с. 179]. В ощущении тошноты смыкаются сферы социального и личного в виде страданий от бессмысленности бытия, приводя к физиологическому дискомфорту и душевным метаниям как пределу отчаяния: «со мной что-то случилось, сомнений больше нет. Эта штука выявилась..., как болезнь. Она проникла в меня исподтишка, капля по капле... Меня охватила Тошнота, я рухнул на стул, я даже не понимал, где я; вокруг меня медленно кружили все цвета радуги, к горлу подступила рвота...» [4, с. 182].

Ситуация тошноты связана с качеством жизни личности. Как сказала сартровская героиня Анни, качество жизни негативно ввиду того, человек бытийствует как «живой мертвец... Больше никто и ничто не сможет внушить мне страсть... Теперь я живу в окружении моих усопших страстей» [5, с. 195]. Фраза «живой мертвец», относящаяся к разряду оксюморонов, ярко характеризующих гламурное социальное, напрямую указывает, обозначенную нами форму *отсутствующего присутствия* бытия гламурного человека, качество жизни которого оказывается уничтожающим/*уничто-жающим*.

Что же происходит с личностью, живущей отчуждённо и некачественно? Как мы считаем, такой индивид тонет в океане абсурдного. Смиряться с верой в абсурдность мира, человек начинает внедрять абсурд в своё бытие: «вера в абсурдность существования должна, следовательно, определять его поведение» [1, с. 115]. При этом «абсурд зависит от человека в той же мере, в какой он зависит от мира» [1, с. 132], рождая порочный круг абсурда, где *X объясняется через Y, отсылающий к X*. Подобное приводит к трагическому выводу, озвученному А. Камю ещё в XX в.: «с того момента, как абсурдность получает признание, она становится мучительнейшей из страстей», потому что «жить означает поддерживать жизнь абсурда», смотря «на него в упор» [1, с. 132, 166]. Дополняя А. Камю, продолжим: абсурд приносит мучения и боль как небольшой группе думающих людей, несущих ответственность перед настоящим и будущим, так и бездумно плывущему по течению абсурдной жизни большинству, изматывая их *il y a*, сопровождаемым хаосом нулевого опыта и бесцельностью бытия, обнажающими «первозданную бессвязность» и *отсутствие смысла*. Подчеркнём, жизнь человека, его Вот-бытие немислимы без смысла, но абсурд, разрушая гносеологическую составляющую, начинает проявляться в поступках.

Наиболее ярко подобное заявляет в театрализации бытия как симуляции, приводящей к абсурдности. Вспомним работу А. Арто «Театр и чума»: «Чума берёт спящие образы, скрытый внутри распад и внезапно доводит их до самых крайних жестов; вот так же и театр берёт жесты и доводит их до крайности: подобно чуме, он заново создаёт цепочку между тем, что есть, и тем, чего ещё нет, между виртуальностью возможного и тем, что существует в овеществлённой природе... театр может возникнуть лишь с того момента, когда действительно начинается невозможное» [6, с. 195]. А. Арто считает, что театр-чума способствует рождению абсурдного, давая жизнь несуществующему.

Театрализация публичного пространства приводит к *театрализации личного бытия*, в котором разыгрываются фиктивные жизненные эпизоды/страсти/эмоции и пр. Современная театрализация личного есть ни что иное, как мифизированная игра сознания с самим собой, продуцирующая несуществующее Вот-бытие, выдаваемое за реальное Вот-бытие, что в итоге приводит к сбоям в работе сознания, обусловленным смешением реального и фантазийного. В итоге миф врывается в реальность, внося определённый раскол в Вот-бытие и тем самым усугубляя кризис индивидуального: «нет жёсткой границы между тем, чем человек хочет быть, и тем, что он есть» [1, с. 193], то есть притворное *казаться* становится *быть*. Перечисленное свидетельствует о том, что личность потеряла себя/*находится-не-в-себе*, настоятельно требуя возврата и обретения пути к себе. Но путь в гламурном социальном оказывается симулятивным: он или подчёркивает Ничто, если личность пассивна, или делает человека многоликим, если свою мнимую активность, вуалирующую пассивность, индивид направляет на следование модным тенденциям. Подчеркнём, мода в виду её бесконечной смены тенденций оказывается феноменом абсурдным: её новизна как «хорошо забытое старое» мгновенно устаревает, становясь вариативно повторяемой. В итоге, человек, подчиняясь абсурдному социальному и его манипулятивным технологиям, рекламирующим и тиражирующим гламурное, становится «подражателем преходящего» (А. Камю), не Ставшим в Вот-бытии. «Всё приносится в жертву внешности и предназначено для глаз» [1, с. 195].

Театрализация личного бытия приводит к симуляции индивидуальной сути, своего Я, рождая масочность гламурной личности. Подчеркнём, распознать симуляцию довольно тяжело, в виду присутствия театрализованной игры, методики которой тиражируются в социальном пространстве. Игра в то, кем бы мог быть индивид, завораживает, неслучайно «отсюда его пристрастие к театру, к зрелищу, где ему предлагается столько судеб, поэзию которых он вбирает в себя, не страдая при этом от заключённой в них горечи» [1, с. 191]. В этом обнаруживает себя абсурд, связанный с бессознательным началом, питающем сознание личности надеждой о невозможном, желанием прожить чужую жизнь/жизни, испытывая чужие/чуждые эмоции.

Театрализация бытия приводит к тотальной карнавализации, что само по себе – абсурд. Карнавал меняет оптику взаимоотношений человека с миром/Другими, стирая в них иерархичность, этикетность, последовательность, смещая простран-

ства/время/ценности и подчиняя всё произвольному/случайному/пренебрежительному. Но жизнь не может быть бесконечным карнавалом: в ней ей место серьёзному и трагическому.

Продолжая рассуждать о метафизике человека, выделим ещё одну черту. Современный дивид, несмотря на пустотность и симулятивность своего бытия, манипулируемый идеологией гламура, претендует на собственную исключительность и абсолютность, желая заполнить собой всё пространство, что абсурдно ввиду несоизмеримости Я и мироздания, заурядности и исключительности. Его внешнее Я, в том числе, благодаря театрализации, разрастается до масштабов гипертселенной, а внутреннее Я сужается до микроскопических масштабов, что отражается в его речи. Современная речь обладает нулевой степенью смысла, поэтому гул коммуникации ввергает человека не к соучастному бытию, а в пучину одиночества и отчуждения. В современном абсурдном социальном всё пребывает в шуме, который мешает личности сосредоточиться. Сегодня невозможно найти места, чтобы от молчаться и подумать о сокровенном в безмолвии: это – роскошь. Всё пребывает в гуле, от которого индивид отгораживается собственным гулом, в том числе, благодаря тому, что он – электронный кочевник, и носители звука всегда при нём. В свою очередь современный гул абсурден: при множестве различаемых и одновременно неразличаемых звуков/слов в них обнаруживается пустота, преподнесённая ярко/театрально/пафосно, что выступает в качестве ширмы, скрывающей отсутствующие/поглощённые смыслы.

Но современные технологии и их активное внедрение в жизнь индивида в виде манипулятивных практик господствующей идеологии гламура разрушают самостоятельные мыслительные процессы личности (в том числе, по Ф. Гиренку, «удовольствие мыслить иначе»), осуществляя вмешательство в них и дестабилизируя нормальное функционирование. Подобное приводит в интеллектуальном плане к пассивности/интерпассивности личности, снижая способность суждения. Вспомним, в современных шоу имеют место многочисленные подсказки, указывающие реципиентам проявление нужной эмоции.

В абсурдном пространстве рождаются абсурдные мысли, приобретающие флер гениальности: «Я часто думаю о количестве говядины, которое потребуется, дабы превратить в бульон всю воду Женевского озера» Пьер Дак. «Мозговая кость» [6, с. 130]. Подчеркнём, нелепые мысли захватывают личность в свой плен: приобретая статус навязчивости, они начинают управлять действиями и по-

ступками, очередной раз подчёркивая абсурдность ситуации, в которой индивид не является хозяином положения.

Более того, симуляции жизни и появление кажимости бытия/как-бы-жизни приводят к проблеме *двойничества*. Для идеологии гламура характерна практика создания двойных портретов, скрывающих истинное Я и мифизирующих его посредством создания *не-Я-как-Я*. Заметим, портретов-двойников, олицетворяющих *не-Я-как-Я* может быть множество. В них художественно создаются многочисленные маски Я и мифизированные эпизоды, нередко противоречащие друг другу, преподносящиеся и тиражирующиеся как Вот-бытие личности. В итоге они стирают истинное лицо человека и запутывают его, выступая в качестве своеобразного *наваждения несуществующего Вот-бытия*. Происходит превращение индивида в дивид, не обладающего ярко выраженными чертами и не способного идентифицировать себя. «Человек без свойств» (Р. Музиль), но при этом обладающий негативными или минимальными характеристиками, есть человек абсурда, множющийся сегодня в гламурном социальном.

Выделенные черты способствуют появлению особой линии поведения человека, называемой нами *капризелье* – каприз+зелье. Оно являет собой череду (нередко – манипулятивных) капризов (ни о чём), отравляющих жизнь и самой личности, и окружающих её людей, на что указывает составляющая *зелье*. Бесконечная вереница капризов, сменяющих друг друга, приводит к метафорическому самоубийству личности, не физическому, а – духовному. Убийство связано с признанием «в том, что жизнь тебя подавила или что её нельзя понять» ввиду «нелепицы повседневной суеты и ненужности страданий», иллюстрируя *смерть-по-своей-воле-при-жизни* [1, с. 137]. В итоге абсурдное пространство превращается в пустыню личного, где отсутствуют смыслы и мысли, где жизнь человека не есть событийность/*со-бытийность* и приключение/*при-ключе-ние*, а пребывание/*пре-бывание как мерцание-в-бытии*. В этом состоянии человек может почувствовать абсурд, но не понять его, потому что «чувство абсурда – это ещё не понятие абсурда» [1, с. 139].

Абсурд и его климат как «беспощадный лик», возникнув объективно, постепенно начинают проявляться в субъективном в виде искусства жить, интеллектуальной, нравственной и художественной деятельности, тем самым заполняя все ниши метафизики человека. В результате личность трансформируется в существо неразумное и выключенное из бытия, позволяя характеризовать

её как человека гламурного/Ничто, проявляющим себя абсурдно.

Гламурный человек – это одиноко мятущийся дивид, пребывающий/*пре-бывающий* в пространстве вечного абсурда, характеристиками которого выступают хаос, перманентное состояние кризиса, отсутствие рефлексивности над происходящим, вседозволенность, приводящая к трансгрессивным шагам по-ту-сторону-добра-и-зла. Он окружён симулякрами гламура в виде людей/вещей/событий/феноменов, закован стенами абсурда и бесконечно прилагает безрезультатные (ввиду отсутствия смысла жизни и связанных с ним ценностей) усилия, направленные в Ничто. Гламурный человек окунается в пространство безумных развлечений, пытаясь заменить подобными симулякрами, претендующими на реальность, собственное Вот-бытие, что в итоге приводит к исчерпанию «собственных шансов на жизнь» [1, с. 186]. Выбор развлечений оказывается случайным или навязанным в результате манипулирования идеологией гламура, говоря о том, что современный человек не вникает в частности. «В мире абсурда ценность любого понятия и любой жизни измеряется их бесплодием» потому что «единственная мысль, свободная ото лжи, – это мысль бесплодная» [1, с. 182]. Состояние бесплодности, то есть того, что не порождает новую жизнь, а значит и не обновляет бытие, оказывается удушающим и тошнотворным. Личность пытается заполнить кричащую пустоту попыткой заявить о себе в виде театрализованного представления, используя лайфлоггинг/скандал/эпатаж, и привязаться к бытию посредством коллекционирования преходяще-эфемерного (одежды/вещей/парфюма и пр.), соответствующего модным тенденциям. Происходит театрализация бытия, сопровождаемая юмором и глумлением, дерзким цинизмом и трансгрессивными выходками, поддёрнутыми налётом искусственности. Своё величие гламурный человек «вскармливает» «вином абсурда» и «хлебом безучастности» (А. Камю), продолжая упорно топтаться на месте и при этом теряя всякую надежду. Его внешняя подвижность/непривязанность/кочевничество (в том числе, электронное) и поверхностность жизни/знаний/мыслей/чувствований/эмоций поддерживается бесконечной сменой модных тенденций и появлением вереницы новинок общества потребления. Но внутреннего движения как саморазвития и возвышения души не происходит. Более того, принцип «всё позволено» служит оправданием невиновности всех действий человека гламурного, трансгрессивно рвущего границы в Ничто. В итоге «дух, проникнутый абсурдом, ограничивается мне-

нием, что об этих последствиях надлежит судить спокойно» [1, с. 181]. Нравственный аспект жизни в пространстве гламурного оказывается снятым/игнорируемым, а главной целью жизни становится желание «исчерпать себя до конца» [1, с. 182], оставаясь при этом красивым, молодым и богатым. Ещё одно качество, характеризующее гламурного человека, – это безразличие к себе/окружающим людям/миру, вырастающее в лоне гламурной идеологии, где всё дозволено, и хорошим, а значит – раскрученным/тиражируемым становится аморальное/запретное, связанное с трансгрессивными шагами по-ту-сторону-добра-и-зла.

Подводя итоги, обозначим следующие аспекты.

Нечто и *Ничто* создают диалектическую полноту бытия, где *Нечто* образует смыслообразующий фон, а *Ничто* – вселенную абсурда, где царит бессмыслица и алогичное. Абсурд – это особый тип реальности, рождаемый в Бытии и его зазорах (между *Нечто* и *Ничто*), выступая в качестве отрицания бытийного и рождая бескультурное, аморальное, бессмысленное, нерелексивное и прочие ничтожения, связанные с формулой *не есть*. Подчеркнём, в контексте гламурного социального *не есть* вуалируется, создавая видимость бытийного, то есть симуляцию/иллюзию.

Идеология гламура, обездушивающая личность и превращающая её в бездумного/безумного потребителя, доводит всё до пределов и определённых граней. Манипуляционные техники, господствующие в обществе, толкают человека на трансгрессивный шаг – по-ту-сторону-добра-и-зла, где он, заигрывая с сакральным, бросает Вызов мирозданию/Богу/Абсолютам и пр. В итоге индивид трансформируется в дива, становясь Другим – отчуждённым, то есть выключённым из бытия, тем самым переводя свою жизнь в *состояние абсурдности*.

Гламурный человек, живущий в абсурде, – это человек хаоса, в нём одновременно уживается несовместимое и противоречивое, что привносит дисгармонию в его жизнь и окружающее пространство. Более того, невозможное как *Ничто* оказывается возможным, перекрывая кислород для *Нечто*. Хаотичность придаёт *Вот-бытию* личности беспорядок и кривизну, даже изломанность, образуя ризоматичный лабиринт. В нём невозможно разобраться, вычленив главное, структурировать нагромождённое, что вносит смятение и панику, вызывая ощущение кошмара. Отсутствие результативности происходящего и невозможность разобраться в хитросплетениях ризоматичного приводит к пессимизму, а в крайнем случае – к отчаянию и надлому в судьбе. Интеллектуальная пустота и/

или невозможность разобраться с беспорядочным/*бес-порядочным* влекут за собой потерю веры в себя, свои интеллектуальные, нравственные и физические силы. Подчеркнём, дисгармония интеллектуального и нравственного выматывает физически.

Жизнь современного человека, привыкшего следовать модным тенденциям и визуализации происходящего, где образы/портреты, бесконечно сменяющие друг друга, не запоминаются, приобретает *модус беспамятства*, что сигнализирует о потере прошлого/корней как привязок к бытию. Личность теряет своё *Вот-бытие*, переходя в формат *театрализованной-как-бы-жизни-без-Вот-бытия* с бесцельной вереницей сменяющих друг друга эпизодов/кадров, не имеющих последовательности и сценария. Сама личность воспринимает себя и свою жизнь отчуждённо, прокручивая её как киноленту и не удивляясь происходящему. Став ко всему равнодушным и потеряв надежду, человек «перестает принадлежать будущему», а осознание/неосознание абсурда своего бытия делает индивида заложником статичного и способствует бегству от действительности [1, с. 142].

Способом преодоления абсурдного является, в первую очередь, *овнутрение «бытия далее»*, то есть обнаружение себя и собственного *Вот-бытия* как «непроявленного состояния» в бытии мира. Человек всегда должен помнить: он «для себя есть самоцель» [1, с. 202], единственная, поэтому ему необходимо осуществить то, кем он желает быть. Цель должна присутствовать во всех действиях, творениях и мыслях индивида, что создаёт мощную преграду от проникновения абсурдного бытия. Наличие жизненных планов, базирующихся на шкале ценностей и связанных со смысло-жизненным поиском, должно быть соразмерным, что приводит к *надежде* их осуществления и реализации. Именно надежда не даёт пробиться отчаянию и учит вере.

Творчество должно проходить через всю жизнь человека, представляя собой нечто единое с его судьбой, знаниями и опытом. Все продукты творчества одновременно «дополняют, поправляют и возмещают упущения друг друга» [1, с. 230], свидетельствуя не только о диалектике бытия, но и жизни как становлении. Необходимо понять, что существующие несовершенства придают бытию особый вкус, без которого невозможно понять собственное *Вот-бытие*. Осознание негативных истин и их признание приводит к просветлению и даже счастью.

Наличие смысла жизни, ценностей, цели и

творчества говорит о *воли*, помогающей в противостоянии абсурду и свершениях. Человеку необходимо проявлять *волю к жизни* как показатель включённости в бытие, осознавая свою конечность, что рождает ясность ума и желание прожить со смыслом отпущенный срок, постичь тайны бы-

тия и передать знания/творческие достижения следующим поколениям.

Но при осуществлении овнутрения как смыслоцелевого наполнения Вот-бытия необходимо помнить о *знании пределов*, позволяющем не доходить до границ, а значит – избежать абсурда.

Список литературы:

1. Камю А. Миф о Сизифе. М.: АСТ, 2009. 318 с.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ Москва, 2009. 925 с.
3. Мелих Ю.Б. Личность, лик, лик другого: опыт необычного историко-философского сопоставления (Левинас, Киркегор, Флоренский, Карсавин) // Сущность и Слово. Сборник научных статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой. М.: Феноменология–Герменевтика. 2009. С. 551-571.
4. Сартр Ж.-П. Тошнота. М.: АСТ Москва, 2010. 317 с.
5. Арто А. Театр и его двойник. М.: Симпозиум, 2000. 443 с.
6. Перек Ж. Просто пространства. Дневник пользователя. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 152 с.
7. Попов Е.А. Ценностно-смысловый ракурс структур повседневности // Философия и культура. 2011. № 12. С. 30-38.

References (transliterated):

1. Kamyu A. Mif o Sizife. M.: AST, 2009. 318 s.
2. Sartre Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: AST Moskva, 2009. 925 s.
3. Melikh Yu. B. Lichnost', lik, lik drugogo: opyt neobychnogo istoriko-filosofskogo sopostavleniya (Levinas, Kirkegor, Florenskii, Karsavin) // Sushchnost' i Slovo. Sbornik nauchnykh statei k yubileyu professora N.V. Motroshilovoi. M.: Fenomenologiya-Germenevtika. 2009. S. 551-571.
4. Sartre Zh.-P. Toshnota. M.: AST Moskva, 2010. 317 s.
5. Arto A. Teatr i ego dvoinik. M.: Simpozium, 2000. 443 s.
6. Perek Zh. Prosto prostranstva. Dnevnik pol'zovatelya. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2012. 152 s.
7. Popov E.A. Tsennostno-smyslovoi rakurs struktur povsednevnosti // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 12. С. 30-38.